

МИРОВОЙ СУДЬЯ

№ 12
2012

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ. Зарегистрировано в Госкомпечати.
Рег. ПИ № ФС77-29335 от 24 августа 2007 г. Издается ежемесячно.

**Учредитель журнала —
Издательская группа «Юрист»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Азаров Владимир Александрович,
заведующий кафедрой уголовного процесса
Омского государственного университета, Заслуженный юрист
Российской Федерации, председатель Омского регионального
отделения Российской академии юридических наук,
доктор юридических наук, профессор

Бозров Владимир Маирович,
заведующий кафедрой судебной деятельности
Уральской государственной юридической академии,
декан факультета подготовки и повышения квалификации
судейских кадров, Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

Воскобитова Лидия Алексеевна,
заведующая кафедрой уголовного процесса
Московской государственной юридической академии,
доктор юридических наук, профессор

Головкин Леонид Витальевич,
заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия
и прокурорского надзора Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор

Лазарева Валентина Александровна,
заведующая кафедрой уголовного процесса
Самарского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор

Морщакова Тамара Георгиевна,
заведующая кафедрой судебной власти и организации
правосудия Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Муратова Надежда Георгиевна,
заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики
Казанского (Приволжского) федерального университета,
доктор юридических наук, профессор

Примаков Татьяна Клавдиевна,
профессор Балтийского федерального университета
им. И. Канта, доктор юридических наук, профессор

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА /
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**

Колоколов Никита Александрович,
судья Верховного Суда Российской Федерации (в отставке),
доктор юридических наук, профессор

Главный редактор Издательской группы «Юрист»
Гриб В.В., доктор юридических наук

Заместители главного редактора Издательской группы «Юрист»:
Белых В.С., **Ренов Э.Н.**, **Платонова О.Ф.**,
Трунцевский Ю.В., **Фоков А.П.**

Редакция: Кузнецов А.А., Степанович Е.Н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Адрес для корреспонденции:
115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7

Центр редакционной подписки: (495) 617-18-88 (многоканальный)
E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Содержание

Колонка председателя редакционного совета

Колоколов Н.А. Истина и справедливость —
базовые ценности уголовного судопроизводства
статья 5 (Окончание. Начало в №№ 8–11)..... 2

Уголовный процесс

Шмелев А.Н. «Русская рулетка» правосудия,
или К вопросу об установлении объективной
(материальной) истины в уголовном процессе 9

Уголовное судопроизводство

Владыкина Т.А. Некоторые проблемы
определения и возмещения процессуальных
издержек в уголовном судопроизводстве..... 15

Гарбатович Д.А. Ошибки при применении
уголовно-правовых норм, предусматривающих
уголовную ответственность за совершение
преступлений против интересов коммерческих
и иных организаций..... 22

Приглашение к дискуссии

Бозров В.М., Костовская Н.В. Некоторые
проблемные вопросы оценки
доказательств судом
(Окончание. Начало в № 11)..... 26

Вниманию наших авторов!

Материалы журнала размещаются
в электронной правовой системе «КонсультантПлюс».

Подписка по России: Каталог «Роспечать» — инд. 82190,
«Почта России» — 10868, «Объединенный каталог» — инд. 15093,
а также на сайтах: www.lawinfo.ru; www.gazety.ru

Формат 60x90/8. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Физ. печ. л. — 4,0. Усл. печ. л. — 4,0. Тираж 4000 экз.
ISSN 2072-4152

Номер подписан в печать 15.11.2012 г.

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разреше-
ния авторов статей или редакции преследуется по закону.
Цена свободная.

- ⁸ Приговор Черняховского городского суда Калининградской области от 24 мая 2006 г. // Архив Черняховского городского суда Калининградской области за 2006 г.
- ⁹ Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Калининградского областного суда от 27 июня 2006 г. № 22-1238-2006 г. // Архив Калининградского областного суда за 2006 г.
- ¹⁰ Постановление заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 18 июля 2007 г. № 71-у-07-2007 // Архив Верховного Суда РФ за 2007 г.
- ¹¹ Постановление Калининградского областного суда от 10 сентября 2007 г. № 44-у-189-2007 // Архив Калининградского областного суда за 2007 г.
- ¹² Постановление судьи Верховного Суда РФ об отказе в возбуждении надзорного производства от 4 декабря 2007 г. № 71-у-07-7 и др.
- ¹³ Определение № 4-О09-43сп.
- ¹⁴ Определение № 87-О09-10.
- ¹⁵ Определение по делу № 4-28/09.

«Русская рулетка» правосудия, или К вопросу об установлении объективной (материальной) истины в уголовном процессе

«Во всех жилищах твоих...
поставь себе судей и надзирателей...,
чтоб они судили народ судом праведным;
не извращай закона..., **правды, правды ищи**,
дабы ты был жив и овладел землею,
которую Господь, Бог твой,
дает тебе»
(Втор. 16:18-20).

«Где суд — там и неправда».
(Русская народная пословица)¹

Статья посвящена анализу объективной истины в уголовном процессе, автором приводятся рассуждения на тему выбора верной позиции в той или иной жизненной ситуации, связанной с уголовным процессом.

Ключевые слова: выбор, нравственность, совесть, истина.

Shmelev A.N. "Russian roulette of justice" or "to the issue of establishing an objective (material) truth in criminal procedure"

The article is devoted to the analysis of establishing an objective (material) truth in criminal procedure, the author argues on choice of the correct positions in some life situations related to the criminal process.

Key words: choice, morality, conscience, truth.

Жизнь нередко ставит человека перед сложным нравственным выбором, в те условия, когда предпочтение любого варианта из предложенных приносит издержки, моральные неудобства, а зачастую и мучительные внутренние переживания. Легче в такой ситуации от выбора отказаться вовсе, не заметить возникшую проблему намеренно, переступив тем самым через собственные жизненные принципы

и убеждения. Но такое поведение — удел трусов и подлецов. Человек, честь имеющий, поступит в данной ситуации так, как велит ему совесть. Этот внутренний нравственный императив зачастую требует от личности подлинного мужества, тех шагов, которые разум не приветствует.

Одним из таких сложных выборов стало решение о написании настоящей статьи, ибо весьма

трудно исследователю стать неким защитником, «присяжным поверенным» гонимой большинством ученых научной теории... Вместе с тем именно упомянутый внутренний императив подвигнул нас к шагу сему... И не замедлили строки эти проявить себя на бумаге, представив настоящее воззвание URBIETORBI?...

Уважаемый читатель уже смог обратить внимание на нестандартный для научной статьи заголовок, но мы не оставляем надежды на его снисходительность к автору, ибо выбранная для заголовка метафора, по нашему мнению, ярко отражает авторский взгляд на непрекращающийся в уголовно-процессуальной науке спор, с новой силой вспыхнувший в кругах ученых — правоведов и практикующих юристов — в настоящее время. Спор этот — об Истине. Об истине, которую уголовный суд должен познать в целях определения виновности либо невиновности человека в совершении преступления. Или познавать не должен. В этом, скажем не мудрствуя лукаво, и есть квинтэссенция рассматриваемого в настоящей статье спора.

«Русская рулетка» — фразеологизм, имеющий значение: «вероятность, непредсказуемость, алогичность, безрассудность, т.е. те качества, которыми можно охарактеризовать действия, подобные небезызвестной лихой офицерской игре». Но подходят ли эти качества правосудию? И при чем здесь правосудие? Попытаемся ответить на указанные вопросы позже... А вначале считаем необходимым представить на суд читателей в более развернутом виде авторское понимание современного состояния сути проблемы.

Обратимся же к «виновнице» спора — к истине. Отметим, что истина суть философская категория. Что же есть истина? Каковы ее характерные черты? И если существует истина, то тогда что такое правда? Каково соотношение правды и истины, синонимы ли это? Можно ли выделять истину объективную, субъективную, формальную и иные — верен ли такой подход? Перечисленные вопросы — лишь часть из тех, которые исследуются в философии; в естественных, технических, гуманитарных науках... Вопрос об истине занимает одно из центральных мест в учениях основных мировых религий.

Мы хотим выдвинуть неожиданный и весьма критикоемкий тезис: человечество не знает, что такое истина, да и вряд ли узнает когда-либо с должной степенью достоверности ответ на вопрос о сути рассматриваемой категории. Ибо истина есть область не в полной мере открытого знания

для человека. Это отчасти сокрытое Богом знание, ибо оно коррелирует с глубинными вопросами человеческого и божественного бытия. Наверное, поэтому представления об истине разнятся у разных народов, более того, они меняются во времени — во все периоды существования человечества. Человек всегда пытался постичь тайну истины, но продвигался в ее понимании недалеко, лишь открывая для себя ее отдельные черты...

Так, в философии самое известное определение истины было высказано Аристотелем и сформулировано Исааком Израильянином. В свою очередь от Авиценны оно было воспринято Фомой Аквинским и всей схоластической философией. Это определение гласит, что истина есть *conformitas seu adaequatio intentionalis intellectus cum re*³.

В общей философии, общественно-гуманитарных и естественных, технических науках под истиной подразумевают соответствие положений некоторому критерию проверяемости: теоретической, эмпирической.

В логике, для которой значение истинности суждений и умозаключений является одним из преимущественных предметов изучения, критерием истинности выступает логическая правильность: относительная полнота формальных аксиоматических систем и абсолютное отсутствие в них противоречий.

В разделах науки (физике, химии, истории, социологии и др.) категория истины обладает двойственной характеристикой. С одной стороны, истина есть в традиционном понимании цель научного познания, а с другой — это самостоятельная ценность, обеспечивающая принципиальную возможность научного знания совпадать с объективной реальностью, как минимум быть комплексом базовых решений теоретических и практических задач⁴.

Не углубляясь бесконечно в парадигму истины, многообразие граней ее понимания, отметим, что сам путь исследования рассматриваемой правовой проблемы через попытку анализа философских начал истины, ее содержания и оценки применимости к текущей жизни общества, по нашему мнению, есть тупиковый путь для юриспруденции. Посредством подобного метода исследователь в конечном итоге «завязнет» в горديевом узле сущности рассматриваемой категории и не продвинется в понимании ни теоретических, ни практических аспектов обоснования места категории объективной истины в уголовном процессе. Вместе с тем анализ истины сквозь призму естественнонаучного знания не яв-

ляется надлежащим методом исследования, т.к. родовым объектом познания в рассматриваемой нами проблеме являются социальные институты и функциональные социальные механизмы взаимодействия между ними, которые определяются преимущественно методологией наук гуманитарного цикла.

Таким образом, в качестве базиса исследования определим содержание спорного понимания парадигмы истины, вокруг которого в науке и практике уголовного процесса не прекращается спор, как *соответствие имеющегося знания объективной действительности, т.е. истина объективная.*

Далее отметим следующее: уголовный процесс работает с познанием событий, имевших место в прошлом, т.е. в области ретроспективного знания. В указанных целях он имеет собственный инструментарий, центральное место в котором занимают институты доказательств и доказывания. Следовательно, сущность объективной (материальной) истины в уголовном процессе есть *соответствие объективной действительности сведений, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, и прежде всего центральных вопросов в доказывании — имело ли место событие преступления и виновен ли обвиняемый в совершении преступления.*

Советская наука уголовного процесса исходила из бесспорного требования от суда установления объективной истины. М.С. Строгович, разрабатывающий данную идею в своих работах, писал: «Каждое отдельное доказательство и вся их совокупность по каждому конкретному делу оцениваются судом в зависимости от того, насколько то или иное доказательство способно установить факты и события в том виде, как они имели место в действительности. Поэтому совершенно неприемлемой является оценка доказательств и установление судом тех или иных положений и выводов в противоречии с собранным по делу материалом и с объективными данными дела <...> Суммируя изложенное относительно теории доказательств в советском уголовном процессе, следует установить, что в основе этой теории должно лежать *требование полной достоверности выводов суда из рассматриваемых им доказательств объективной истинности тех обстоятельств, которые суд устанавливает*»^{5,6}.

Истине объективной противопоставлена *истина формальная* (она же «судебная», «юридическая» и др.). В современном западном мире, частью которого, видимо, стоит считать и Россию, доминирующей

в науке уголовно-процессуального права является концепция формальной истины, последователи которой, апеллируя к целесообразности, процессуальной экономии времени и средств, и при этом указывая на несовершенство механизмов правосудия, заявляют о невозможности установления судом объективной истины.

Основной идеей данной концепции, ставшей господствующей не только в науке, но и в действующем уголовно-процессуальном законе России⁷, является идея невозможности достижения объективной истины об обстоятельствах уголовного дела, в т.ч. истины об обстоятельствах, которые закон определил подлежащими доказыванию⁸. Таким образом, только выводное знание из представленных и допустимых по уголовному делу доказательств признается верным. Это знание получает своеобразную процессуальную легитимацию. И именно на основе такого знания постановляется приговор. Большинство современных российских правоведов — исследователей науки уголовного процесса придерживаются данной точки зрения⁹.

Отметим, что во главу угла последователи данной концепции, как правило, ставят ценность составительской формы правосудия, которая якобы всегда сопутствует формальной теории доказательств и никак почему-то (!?), по их мнению, не может сопутствовать теории объективной истины и требования к суду об ее установлении в процессе.

По нашему мнению, формализм и бюрократический характер правосудия, беспристрастное до безразличия к судьбам человеческим чиновничество в мантиях и судьба человека, буквально (а не образно) зависящая от весов Фемиды, куда стороны обвинения и защиты пытаются подбросить свои камушки, — вот форма правосудия, вытекающая из концепции формальной судебной истины. Вызывает удивление, что в момент рассуждений о выборе «правильной» (формальной) судебной истины данные последователи, как правило, не упоминают о том, что за спиной у стороны обвинения стоит колоссальная государственная машина обвинения. Машина эта, без сомнения, подготовит для упомянутых весов Фемиды в лице беспристрастного до безразличия судьи камушки в нужном количестве и качестве, применяя для этого всевозможные (и не всегда, к сожалению, правовые) средства. А вот сторона защиты, имея в распоряжении своем совсем небольшой арсенал средств, а иногда фактически и вовсе в уголовном процессе отсутствующая — всем известна проблема качества защиты подозреваем-

мого (обвиняемого) адвокатом по назначению — вряд ли может противостоять данной машине. Какое уж здесь «равенство оружия» сторон обвинения и защиты?

Справедливо, с нашей точки зрения, пишет о юридической истине Э.М. Мурадян: «Юридическая истина — конструкция, порожденная господством формального начала, стремлением свести правосудие главным образом к форме. Юстиция — не что иное как формальность».

Связь содержания с формой в праве и правосудии существенна, но форма не должна подавлять содержание, иначе получается правильно только в формальном смысле, а по существу сомнительно.

Результат доказывания там, где действует принцип формальной (юридической) истины, — так называемая юридическая достоверность, т.е. условная достоверность, не идентичная подлинной. *«Формальная истина ущербна. Акт правосудия, не отвечающий истинному положению вещей, действительным обстоятельствам и доказательствам дела, сомнителен»*^{10,11}.

Далее отметим, что хор голосов в осуждение и поправление концепции объективной истины, как правило, опирается на принцип состязательности и потенциальное его нарушение при признании в уголовном судопроизводстве принципа объективной истины. Отметим, что принцип состязательности — это «святая святых», цитадель текущего этапа развития права. Автору представляется сомнительным тезис о безгрешности и «всеспасительности» принципа состязательности любого из видов процесса, в т.ч. и прежде всего уголовного процесса. На это указывает, например, Г.А. Печников: «При утилитарно-выигрышном понимании состязательности цель правосудия ограничивается рамками спора между обвинителем и защитником в суде, без всякого выхода за позицию спорящих сторон. Суд при таком подходе не решает вопрос: кто из спорящих прав по существу, на чьей стороне действительно истина, правда, решает: кто выиграл этот поединок, кто был формально сильнее, убедительнее. Здесь происходит смещение акцентов в сторону от объективной истины к формальной, юридической истине. Выходит, судьба личности (подсудимого) зависит от успеха в «перетягивании каната» — чья возьмет»¹².

Вместе с тем отметим, что самоценность сего явления (принципа состязательности) настолько укоренилась в умах современников, что дальнейшее развитие тезиса его несовершенства и, как следствие, ошибочности его излишней идеализации

в настоящее время не является делом полезным и имеющим практические перспективы, а посему оставим «крамолу» сию, видимо, могущую повлечь лишь костер святой инквизиции.

Напомним, что апогеем господства теории формальной истины было время существования инквизиционной формы уголовного процесса. Вместе с тем элементы формальной теории доказательств прослеживались и в обвинительной форме процесса. Состязательная же форма уголовного процесса наследовала от инквизиционной черты формальной теории — например, институт допустимости доказательств. Достоверность при несоответствии формы получения доказательства мало интересует правосудие. Винавиный может быть оправдан, а невиновный осужден только лишь при правильной «работе» сторон в ходе судебного разбирательства с имеющимися в уголовном деле доказательствами — проверке их соответствия требованиям закона. И это в чистом виде состязательность. Из состязательности рождается и формально истинный приговор.

Мы хотели бы задать вопрос: этого ли ждет от правосудия русский человек? Формальной выводной судебной истины? Неужели это ценно само по себе (как автономное явление) для российского народа? Отчего же тогда, по разным статистическим данным, до 40% населения России не доверяет судам¹³? Оттого что так хороши господствующие правовые парадигмы: состязательность, формальное равенство сторон, господство в науке и практике убеждения в том, что судья должен занимать в процессе позицию скучающего слушателя, что его активность должна в идеале низводиться до бездействия, формирование из фигуры судьи богоподобной фигуры и т.п.? Или, может быть, народу нашему нужно что-то другое? И потому и буксует судебная реформа... Спешим успокоить взволнованного слушателя — мы ни в коем случае не выступаем против принципа состязательности. Хотя бы только потому, что право в настоящий момент своего развития не выработало более рационального судопроизводственного механизма. Мы выступаем против иного — об этом поведем речь далее.

Уголовное судопроизводство России, как и иные отрасли национального права, получили бурное развитие после распада СССР. Вместе с тем основные векторы развития отраслей стали базироваться на принципиально иных ценностях российского общества суверенной России (РСФСР), получивших закрепление в Конституции РФ 1993 г.: признании права на частную собственность, свободы веро-

исповедания, отсутствию государственной (обязательной) идеологии, свободы труда, разделения властей и независимости ее ветвей, в т.ч. и судебной власти, и т.д.

Наряду с указанным национальная правовая система страны в своей основе имеет и проведенные масштабные заимствования правовых институтов иных национальных правопорядков, причем правопорядков, не только принадлежащих к континентальной правовой семье, но и являющихся составной частью правовой семьи стран общего права. Не является исключением и отрасль уголовного процессуального права¹⁴.

Не будет ни для кого открытием, что многие стороны жизни российской стали определяться тенденцией «вестернизации» — мы стали копировать многое, зачастую не разбирая, подходит ли это нам. Падение «железного занавеса», либерализация, устремление к демократическим ценностям и, вместе с указанным, вакуум в вопросе определения национальной идеи, политические и экономические кризисы — повлекли тенденцию слепого копирования, в том числе и в вопросе выбора направления развития российского права. Россия во многом не стала учитывать положительный и апробированный собственный опыт правового регулирования и накопленные правовые традиции. Политическая элита настаивала на том, что «на Западе лучше», а то, что было советским, стало рассматриваться как априори маргинализованное, а значит, неверное и ненужное.

На наш взгляд, указанное служит подтверждением тому, что мы стали свидетелями нового витка противостояния двух полярных взглядов на путь развития России — как части западного мира либо как собственно русской цивилизации. Распад СССР, падение «восточного блока» и дискредитация советской идеологии не могли не привести к явному 20-летию торжества западников¹⁵.

Но трагедия России в другом — мы не учли, что наш культурный и цивилизационный «генотип» базируется на иных ценностях. Что весьма хорошо право английское, американское, немецкое и даже шведское, но только мало в России англичан, американцев, немцев и шведов — все сплошь русские (россияне). А мы мыслим своими традиционными представлениями о праве. И мало нам истины объективной. Нам нужна правда!

Это утверждение — еще пуще крамольное, нежели предыдущее. Но позволим себе утверждать, что россияне желают видеть правду в решениях

своих судов. Ибо стремление к правде заложено в мировоззрении нашего народа. Каждый человек при желании вспомнит, что он хотя бы раз в жизни слышал эту фразу: «Пусть суд установит правду!» И в этом предложении заключено понимание правосудия русским человеком. Правды! А не того, какая же чаша весов в руках беспристрастного судьи перевесит — стороны обвинения или защиты, кто из них качественнее выполнит свою миссию и приведет более весомые доказательства. И в этом, например, есть смысл существования такого института, как суд присяжных. Присяжные заседатели не «взвешивают» доказательства. Сама суть деятельности присяжных направлена на установление правды по делу, соответствующей не только истине как таковой, но и сверенной с мерилom нравственного начала народа, той среды, из которой вышли и подсудимый, и сами присяжные. В том числе и поэтому кассационная инстанция не вправе отменять приговор, постановленный на основании вердикта коллегии присяжных, по причине несогласия с данным вердиктом, и именно поэтому вердикт присяжных в российском уголовном процессе не подлежит мотивированию со стороны коллегии присяжных.

Читатель будет удивлен, но близким к русскому пониманию сущности правды является понимание правды Аристотелем, который в своем трактате «Риторика» писал: «Правда заключается в том, чтобы прощать человеческие слабости, — и в том еще, чтобы иметь в виду не закон... не букву законодателя, а мысль законодателя; не самый поступок, а намерение человека (его совершившего); не часть, а целое — в том, чтобы обращать внимание не на то, каким выказал себя человек в данном случае, но каков он был всегда или по большей части. Правда заключается еще и в том, чтобы более помнить полученное добро, чем испытанное зло; и добро, нами полученное, помнить более, чем добро, нами самими сделанное. В том, чтобы терпеливо переносить делаемые нам несправедливости и предпочитать судиться словом, а не делом, в том, наконец, чтобы охотнее обращаться к суду посредников, чем к публичному суду, потому что посредник заботится о правде, а судья — о законе; для того и изобретен суд посредников, чтобы могла торжествовать правда»¹⁶.

Правда и объективная истина очень близки по значению, но не являются тождественными понятиями. Правда не только констатирует подлинное отражение событий и явлений, произошедших в прошлом (как объективная истина), но и верифицирует

указанное с точки зрения ценностного восприятия, справедливости и общего правопонимания народного, т.е. его правовых дискурсов.

Таким образом, по нашему мнению, единственным механизмом установления правды, в рамках предусмотренной законом процессуальной формы, является рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей. И, соответственно, достижение правды как цели правосудия возможно лишь при отнесении к компетенции суда присяжных всех уголовных дел, рассматриваемых судом первой инстанции. Вместе с тем правовые и политические реалии современной России демонстрируют явное неприятие правящей элитой суда присяжных как правового института. Об этом свидетельствуют принимаемые меры по законодательному выведению из-под юрисдикции суда присяжных ряда составов преступлений¹⁷. Поэтому ожидать в обозримом будущем реализации расширения компетенции суда присяжных не представляется возможным.

Вместе с тем близость значения категорий правды и объективной истины позволяет подойти к решению рассматриваемой проблемы через введение в уголовно-процессуальный закон требования, быть может, в виде идеальной цели, о необходимости стремления суда к установлению объективной истины по делу. Причем юридико-техническим подходом к инкорпорации института объективной истины может послужить закрепление данного требования в качестве принципа уголовного процесса.

Вместе с тем автор настоящей статьи не ставил перед собой цель практического решения рассматриваемой проблемы. По нашему мнению, одна из наиболее важных целей подготовки настоящей статьи есть необходимость призвать научное сообщество, ученых и практиков к диалогу о необходимости переосмысления теории объективной истины на основе правовых традиций России, имеющегося опыта правоприменения и ее возможного последующего внедрения в уголовно-процессуальное право, если целесообразность данного шага станет очевидной. Несомненно, внедрение косной в текущих реалиях модели теории объективной истины советской процессуальной науки в текущие правовые реалии невозможно. Именно поэтому попытки предложить подобный возврат к прошлому, имеющий в своей основе, скорее всего, совершенно иные интересы, только лишь дискредитируют рассматриваемую теорию. Мы хотели бы также призвать правоведов отказаться от практики признания концепции установления судом при осуществлении правосудия

объективной истины априори ложной и вредной для науки и практики. По нашему мнению, указанное отторжение части научного знания по своей сути антинаучно, а ревностное отвержение концепции напоминает времена, когда некоторые концепции и науки объявлялись лженаучными и подвергались публичной порке. Неужели история действительно имеет свойство повторяться?

И в заключение мы хотели бы ответить на поставленный в начале настоящей статьи вопрос: так какая же связь между «русской рулеткой» и современным отечественным правосудием? На наш взгляд, она очевидна: исходя из господствующего в науке и законе положения о необходимости установления судом лишь формальной истины, мы «приглашаем» подсудимого сыграть с государством в своеобразную «русскую рулетку» по вопросу о его виновности: перевесит ли совокупность доказательств стороны защиты совокупность доказательств стороны обвинения, сможет ли сторона защиты противостоять громадной обвинительной машине.

В настоящее время мы вообще не призываем суд стремиться познать истинность события преступления и преступности деяния подсудимого. Мы ввели в закон позитивистскую модель правопонимания и не даем даже почвы для появления внутри судейской корпорации судей, основывающихся в своей практике на естественно-правовые воззрения; стремящихся не констатировать право, а находить его; участвовать сознательно и ответственно в решении судьбоносных для подсудимого вопросов о его жизни, свободе, чести и достоинстве, т.е. вершить подлинное правосудие на основе поиска правды — ценности, в полной мере поддерживаемой российским народом.

По нашему мнению, пришло время задуматься над указанным. Ибо правосудие есть феномен, определяющий уровень развития государства, иллюстрирующий подлинность декларативных положений о признании прав и свобод человека и гражданина.

Сегодня Россия встала на путь масштабной модернизации. Наряду с указанным, по нашему мнению, модернизация не может быть осуществлена только лишь в сфере технологического потенциала. Прежде всего модернизация должна затронуть гуманитарную сферу, в целях улучшения качества социальных институтов, а значит, уже сейчас необходимо переосмысление некоторых положений господствующих воззрений на национальное право

в соответствии с текущими реалиями. Пусть же скромный труд сей станет маленьким кирпичиком в этом благом начинании.

**Шмелев Александр Николаевич,
магистрант факультета права
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»**

aleksa.shmel@yandex.ru

¹ Иллюстров И.И. Юридические пословицы и поговорки русского народа. Изд. 3-е. М.: КРАСАНД, 2011. 80 с.

² Urbietorbi (лат.) — «городу и миру».

³ Conformitas seu adaequatio intentionalis intellectus cum re — (лат.) интенциональное согласие интеллекта с реальной вещью или соответствие ей.

⁴ Истина. Википедия — свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C8%F1%F2%E8%ED%E0>.

⁵ Строгович М.С. Учебник уголовного процесса. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. 248 с.

⁶ Курсив автора. — А.Ш.

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 №174-ФЗ (в ред. от 28.07.2012) // Российская газета. 2001. № 249, 22 декабря.

⁸ Ст. 73 УПК РФ 2002 г.

⁹ См.: журнал «Закон». 2012. № 6. С. 17–28.

¹⁰ Мурадян Э.М. Истина как проблема судебного права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2004. С. 89.

¹¹ Курсив автора. — А.Ш.

¹² Печников Г.А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе: монография / Г.А. Печников. 2-е изд., испр. и доп. Волгоград: ВА МВД России, 2010. С. 177.

¹³ Так, в Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» (разд. IV), утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. № 1735-р, указано: «Согласно опросам общественного мнения только 27 процентов граждан России доверяют органам правосудия, при этом 38 процентов органам правосудия не доверяют». URL: <http://www.rg.ru/2012/10/02/koncepciya-dok.html>.

¹⁴ См., например: Шмелев А.Н. Современные тенденции рецепции институтов уголовно-процессуального права зарубежных государств в действующее законодательство Российской Федерации // Эволюция российского государства и права: сборник научных статей. Смоленск: Маджента, 2012. С. 183–189.

¹⁵ О возникновении и развитии раскола в русской философии в части определения путей развития российской цивилизации см., например: Графский В.Г. О своеобразии русской философии права // Философия права в России: история и современность: материалы третьих филос.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца / отв. ред. В.Г. Графский. М.: Норма, 2009. С. 8–33.

¹⁶ Риторика / Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Классическая философская мысль. Минск, 1998. С. 380.

¹⁷ См.: Федеральный закон от 30.12.2008 № 321-ФЗ, Федеральный закон от 05.06.2012 № 54-ФЗ.

Некоторые проблемы определения и возмещения процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве

На основе анализа норм уголовно-процессуального законодательства, материалов судебной практики автор обозначает ряд проблем определения и возмещения процессуальных издержек в уголовном процессе, предлагает возможные пути их решения.

Ключевые слова: процессуальные издержки, осужденный, возмещение процессуальных издержек за счет федерального бюджета, имущественная несостоятельность осужденного, освобождение от уплаты процессуальных издержек.

Vladykina T.A. Some problems of definition and recovery of legal costs of the criminal proceedings

Based on the analysis of norms of the criminal-procedural legislation, the materials of judicial practice the author identifies a number of the problems of the definition and enforcement of legal costs in the criminal process, offers possible ways of their solution.

Key words: procedural costs, convicted, reimbursement of legal costs at the expense of the Federal budget, economic failure of the convicted person, exemption from the payment of the procedural expenses.

